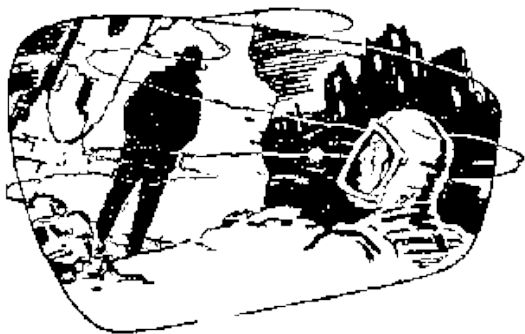

КУСОК ШЛАКА

Научно-фантастический рассказ

Теплоход «Победа» вошел в Гибралтарский пролив в сумерки. Исполинская скала, один из столпов Геркулеса, отчетливо виднелась справа. Там в каменных складках таились английские пушки. А за скалой

начиналась испанская земля.

Налево зажигались огни Танжера. Сзади темнели воды Средиземного моря, впереди чувствовался Атлантический океан.

Из Африки дул холодный ветер.

Ко мне подошел аспирант Феликс, тот самый, который рассказывал в кают-компании о следах на Земле, оставленных звездными пришельцами. На теплоходе советские туристы, путешествующие вокруг Европы, два дня говорили только о гостях из Космоса, забыв Айя-Софью, руины Парфенона и римский Колизей.

Я смотрел в сторону Африки, силясь представить себе знойную пустыню Сахару, скопление скал с древнейшими рисунками... существ в скафандрах.

— Когда я смотрю на море, я не могу отделаться от тревоги, — сказал аспирант.

— Бойтесь шторма?

Аспирант покачал головой. Огромный, в тяжелых очках, он задумчиво смотрел на воду.

— Мне всегда кажется, что мы плывем по жидкой... взрывчатке.

— Взрывчатке? — пораженный, переспросил я.

— Я искал вас, — непоследовательно сказал Феликс. — Я хотел вам показать письмо американского журналиста, с которым вместе был в Африке.

— Вы были в Африке?

— Да. С экспедицией, искавшей тектиты.

— Ах, эти стеклянные метеориты, которые не похожи ни на какие другие.

— Не только не похожи. Они и другого возраста. Все метеориты — ровесники Земли, им миллиарды лет. А в тектитах есть изотопы, скажем, алюминия-26, которые могли образоваться лишь миллион лет назад. Вероятно, тогда они один раз и выпали на Землю.

— Я вижу, Феликс, вас всегда привлекают загадки науки. Пришельцы из Космоса... потом тектиты.

— Я заинтересовался пришельцами из Космоса, потому что занимался тектитами.

— И вы разгадали тайну тектитов?

— Боюсь, что да.

— Боитесь этого?

— Да, боюсь, — решительно ответил аспирант.

Я с интересом смотрел на него. Его силуэт вырисовывался теперь на фоне звезд. Берега Гибралтара скрылись во мгле. Танжер рассыпался огнями, как часть звездного неба.

— Все метеориты, в том числе и тектиты, это осколки когда-то существовавшей планеты, — начал аспирант. — Ее орбиту угадал еще Кеплер. Он обратил внимание, что расстояние планет до Солнца возрастает по определенному закону. Но после Марса на Юпитере получался скачок, ступенька на кривой. Для ее плавности между орбитами Марса и Юпитера как бы не хватало одной планеты. Кеплер указал ее орбиту. Астрономы стали лихорадочно искать неизвестную планету. И вскоре обнаружили маленькую планетку Цереру. Поперечник ее был около четырехсот километров. Потом на той же орбите нашли еще три малых планетки, включая Весту с диаметром в 285 километров. А потом... потом все на той же круговой, — обратите внимание, почти НА КРУГОВОЙ орбите! — было обнаружено несколько тысяч малых космических тел обломочной формы, названных астероидами. Многие ученые сошлись во мнении на том, что кольцо астероидов образовалось из остатков когда-то существовавшей планеты.

— Фаэтон, — подсказал я. — Но отчего он погиб? Столкновение космических тел?

Аспирант покачал головой:

— Если бы тела столкнулись, то они не могли бы остаться на прежней орбите планеты, они полетели бы по равнодействующей, то есть получили бы вытянутые эллиптические орбиты.

— Но могла же планета взорваться, как бомба!..

— И тогда осколки разлетелись бы, не остались бы на круговой орбите. Нет! Механизм гибели планеты иной. Она как бы треснула под влиянием чудовищного сжатия сразу со всех сторон.

— Что могло так сжать планету со всех сторон?

— Очевидно то, что окружает ее твердь, — в о д а.

— Океаны! — догадался я. — Но разве могут взорваться океаны? Впоследствии мне привелось задать этот вопрос одному из крупнейших физиков современности, принимавшему участие в создании атомной бомбы, самому Нильсу Бору. А тогда...

Тогда аспирант достал из кармана стекловидный кусок.

— Это тектит, — сказал он. — На его поверхности видны следы прохождения атмосферы, так называемые регаглипты, доказывающие его космическое происхождение. Но состав тектитов говорит, что они возникли из о с а д о ч н ы х п о р о д, они могли образоваться на дне или на берегу океанов.

— На другой планете?

— На планете Фаэтон. Обычные метеориты — это осколки соударяющихся частей распавшейся планеты; постепенно под влиянием притяжения Юпитера и Марса они разошлись, распределившись по законам небесной механики по кольцу. А тектиты... может быть, это — п е р в и ч н ы е о с к о л к и, образовавшиеся в момент взрыва... и именно тогда долетевшие до Земли.

— Но Земле не угрожает такой взрыв?

— Ученые считают, что наша планета, как естественное образование, устойчива, но...

Я выжидательно смотрел на аспиранта.

— Потому я и хотел прочесть вам письмо журналиста Роя Бредли.

— О чем?

— О взрыве атомной бомбы... над африканским городом.

— Но этого еще не было! — запротестовал я.

— Пока не было, но... может быть. Рой участвовал в нашей экспедиции за тектитами. Мы много говорили с ним. Он сказал, что напишет мне... и я помогу это опубликовать. Он напишет о том, что может случиться в любую минуту, если накалять положение и дальше.

— Читайте.

И он стал читать.

Я забыл, что слушаю его и где нахожусь...

«...Я обещал вам написать о ней... Что ж...

Лианы тогда завидовали мне. Они свисали отовсюду, хватали за ноги, били по лицу, цеплялись за руки...

Я шел впереди по звериной тропе и отводил в сторону живые шнуры непроходимого занавеса.

Эллен шла сзади и напевала.

Нагло любопытные обезьяны рассматривали нас сверху. Они перескакивали с дерева на дерево, как легкие тени. Я следил за ними, но не мог разглядеть кроны деревьев. Куда-то вверх уходили могучие стволы, с которых свисали темные рыжие бороды мха.

Цветы были повсюду: сверху, сбоку, под ногами. Кошунством казалось на них ступить. Противоестественно яркие, с влажными бархатными лепестками, жадными и мягкими, с пестиками на длинной поворачивающейся ножке, свисающие с ветвей, осыпающие пылью, или жесткие, с острыми тонкими лепестками, с виду нежными, но режущими, с иноцветной серединой — цветок в цветке... Дурманные орхидеи — любовные взрывы природы всех оттенков радуги, завлекающие краской и запахом, красотой и желанием, провозвестники будущих семян жизни... Сумасшедшие африканские цветы! Казалось, что они живут в неистовом ритме движения и красок, породившем исступленные негритянские танцы. Я мог поклясться, что цветы

двигались, они заглядывали в лицо, они пугливо отстранялись или пытались нежно задеть за щеки, прильнуть к губам, они шумно вспархивали, взлетали... Конечно, это были уже не просто цветы, а... попугаи, но они были подобны цветам — такие же яркие, но еще и звонко кричащие.

Обезьяны перебегали тропинку, показывая свои лоснящиеся зады, и одобрительно щелкали языками. Им тоже хотелось заглянуть нам в глаза. Они, конечно, знали, что мы были счастливы! Они завидовали!..

Мы провели с Эллен ночь в джунглях, в шалаше из банановых листьев, она пела свадебную песню перед звездным алтарем. Не было на свете женщины прекраснее ее, не было в мире существа более мягкого, доверчивого...

Утром она послала меня разыскивать ручей. А когда я вернулся ни с чем, то застал ее одетой, европейской и недоступной, успевшей умыться. (Черные мальчишки из ближней негритянской деревни принесли ей воды.)

И теперь мы шли к аэродрому. Он уже был виден, стена джунглей осталась за спиной.

Мы взялись за руки.

— Я думаю, — сказал я, — что нам не так уж важно ждать здесь, в Африке, атомного ада. Надо поскорее удрать в Нью-Йорк.

Она усмехнулась и пожала мне пальцы.

— Глупый Рой, — только и сказала она.

— Разве... мы не вернемся вместе?

Эллен отрицательно покачала головой.

Я не знал, зачем она прилетела в Африку, я вчера встретил ее на аэродроме, и она сама придумала шалаш в джунглях...

— Все это была шутка? — хрипло спросил я.

— Нет, Рой, нет родной... Это не шутка. Я твоя жена... И ты мой муж... перед звездами, перед Вселенной!

— Так почему же?..

— Милый Рой, ни ты, ни я не принадлежим самим себе.

— Но друг другу? — протестующе воскликнул я.

— Только друг другу. И будем принадлежать, но... Вот уже и аэродром.

Нас провожала ватага черномазых ребят. Они показывали нам дорогу.

— Рой, вы хотите, чтобы у нас было столько детей? — спросила Эллен, доставая из сумочки пачку долларов и давая каждому по долларовой бумажке.

Негритята шумно закричали и убежали, унося нежданную добычу. Эллен грустно смотрела им вслед.

— Ну вот, Рой... Никогда не забывай этой ночи...

— Я не люблю слова «никогда».

— Никогда, — повторила Эллен. — Я тоже не хочу этого страшного слова. Мы ведь увидимся, Рой... Я не знаю когда, но мы увидимся...

Я чувствовал в себе пустоту.

— Вот и мой самолет! — грустно сказала она.

Мы шли по летному полю, мне хотелось кричать, выть, кататься по бетону дорожки.

Навстречу нам шел штатский в темных очках, которого я мысленно назвал детективом.

— Хэлло, Марта! — крикнул он Эллен. — Не хотите ли вы, чтобы самолет из-за вас задерживался?

— Я ничего не имела бы против, — ответила Эллен, смотря только ей присущим взглядом в темные очки.

— Надеюсь, джентльмен не будет в претензии, что останется один? — проворчал детектив.

— Я всегда буду с ним, — отпарировала Эллен.

— О-о! — сказал детектив и предложил мне сигарету.

Мне очень хотелось курить, свои сигареты я раздарил негритятам, но я отказался.

— Ты будешь писать мне? — спросил я Эллен.

Она сначала отрицательно покачала головой, потом взглянула на детектива и сказала:

— Не знаю...

Детектив отвел меня в сторону:

— Надеюсь, сэр, вы поняли, что ни меня, ни Марту вы никогда не видели...

Она шла вместе с очкастым и ни разу... ни разу! не оглянулась на меня.

Я видел, как разбежался по бетонной дорожке самолет.

Баллоны тяжелых колес оторвались от земли, пилот убрал шасси уже в воздухе.

Я остался один, чтобы все видеть в стране, где ждали конфликта. Это был мой горький бизнес!..

Я не мог представить себе, что будет с Эллен, но мог представить, что произойдет здесь...

И я должен был не только представлять, но и писать об этом. Я ведь был корреспондентом нейтральной державы.

...Не думал я, что мой репортерский каламбур может всерьез обсуждаться в Совете Безопасности и послужит поводом для всего, что потом случилось.

Мой пробковый шлем был пробит навывлет. Может быть, было бы лучше, если б дружественный мне снайпер, засевший словно в густой роще в листве баобаба, взял прицел чуть пониже...

Окопов в джунглях никто не рыл. Танки через «проволочные заграждения лиан» и надолбы из поверженных исполинов джунглей пройти не могли. В душной и пышной чаще солдаты сражающихся армий просто охотились друг за другом, как это испокон веков делали жившие здесь воинствующие племена каннибалов.

Но в джунглях шелкали не только одиночные выстрелы затаившихся охотников, не только трещали автоматы преследователей, не только бухали, разворачивая сцепившиеся корни, заградительные мины, поражая осколками вертлявых обезьян, которые так же кричали и стонали, корчась в предсмертных муках, как и раненые люди... Сквозь непроглядную гущу листвы, лиан, орхидей и стволов со свисающим мхом почти беззвучно, с неуловимым нежным пением летели стрелы...

Я рассматривал их в колчанах простодушных черных бойцов, которым не хватило винтовок. Мне показалось, что наконечники стрел чем-то вымазаны. Я посмеялся, заметив, что не хотел бы оцарапаться о них.

И я пошутил в очередной корреспонденции, что против танков и бомбардировщиков, защищающих права обворованных владельцев рудников и копей, применяется «отравленное оружие». Увлечшись, я даже вспомнил о Женевских соглашениях, запрещающих применение отравляющих средств. А ведь там не сказано, что отравляющими могут быть только газы. Могут быть и... стрелы?

Газеты босса напечатали мою корреспонденцию с самыми серьезными комментариями. Босс сказал, что это моя лучшая находка. Во всем мире поднялся невообразимый шум.

Командование войск, которым симпатизировали газеты босса, предъявило противнику ультиматум. На следующую стрелу, нарушающую международные соглашения, ответом будет ядерная бомба.

Совет Безопасности не мог прийти к единогласному решению. Мое имя упоминалось в ООН.

А я не выходил из бара. Я жил в загородном отеле, указанном мне боссом. Кроме меня, там обитали офицеры, «коммунистические советники», нейтральные наблюдатели и мои коллеги, репортеры. Они завидовали моей славе, а меня снедала тоска. Я пил, сосал, хлестал виски, джин, ром, пунш, коктейли, привык даже к проклятому африканскому зелью, забыв, что его готовят беззубые старухи, сплевывая в кувшин пьянящую слюну. Бармен снова и снова наливал мне двойные порции. А здоровенный черномазый швейцар, милейший парень, эбеновый Геракл, осторожно втаскивал меня в лифт, а из лифта в мою комнату, где включал все четыре вентилятора на стенах и пропеллер под потолком, которые поднимали в моем номере жаркий смерч.

Я умирал от жары, жажды и тоски. Я не хотел больше идти в джунгли, я не хотел больше видеть дикарских стрел и писать о них!..

Жаркий ветер, рожденный бессмысленно вращающимися лопастями, мутил мне ум. Я лежал поперек бессмысленно широкой кровати и изощрялся в отборных и бессмысленных ругательствах, удививших бы даже Эллен...

Явился мой черномазый приятель, доставлявший меня из бара, и сказал, что меня требуют вниз к телефону.

О, милые нью-йоркские доктора! Вам бы следовало понять, что протрезвляюще действует на таких клиентов, как я!..

В трубке звучал скрипучий, чужой и чем-то знакомый голос:

— Хэлло, Рой Бредли?

— Какого черта? — мрачно отозвался я.

— А вот такого черта! Вы ничего не знаете?

— Ничего.

— Угодно вам получить записку?

— Что?! — воскликнул я, мигом протрезвев. Я прижался щекой к раскаленному от жары аппарату.

— Если можете взгромоздиться на джип, — продолжал он, — я буду ждать вас в три часа ноль восемь минут пополудни. Национальный банк, напротив парка, на углу набережной. Там стена без окон. Не люблю окна.

— О'кэй! — сказал я. — Я думал, что вы сволочь.

— Ну, а я продолжаю так думать о вас. Три ноль восемь.

— О'кэй, мы еще выпьем с вами. Вы все еще носите темные очки?

— У меня глаза разного цвета. И солнце здесь яркое. Постарайтесь не напиться.

Боже! Какая сказочная страна! Все вспорхнуло вокруг, переливаясь оперением райских птиц. Их щебетанье врывалось, как первозданная музыка природы. Я уже понимал зовущие ритмы местных танцев, я готов был кружиться в экстазе, исступленно прыгать под звуки барабана, самозабвенно вертеть туловищем. Я уже понимал простодушно открытые сердца детей джунглей, с которыми словно заключил освещенный любовью союз. Я налетел на своего эбенового Геракла и расцеловал его. Он подумал, что теперь уж я действительно пьян, и поволок меня в

номер. Но я был трезв, как папа римский, и счастлив, как нищий, нашедший бумажник. И я подарил негру свой бумажник со всем содержимым. Но он, каналья, оказывается, засунул мне его обратно в карман.

Я шел по вестибюлю и улыбался всем. Даже «коммунистические советники» показались мне милыми...

Потом я мчался, сидя за рулем джипа с опознавательными знаками нейтральной державы.

Дорога сверкала, она казалась расплавленной, в ней отражалось солнце, протягивая по асфальту золотистую дорожку, как луна на воде. Такие дорожки, по поверью, ведут к счастью. Я мчался за своим счастьем.

Вдруг руль потянуло вправо. Я нажал на тормоза.

Над ухом раздался свист. Это была стрела...

Пришлось остановиться. Спустили сразу обе шины. Я проехал ярдов двести, чтобы быть подальше от стрел, и порядочно «изжевал» резину.

Я посмотрел на часы. Время неумолимо!

Он сказал три ноль восемь, не три с четвертью, не три ноль ноль, а именно ноль восемь. Этим подчеркивалась точность. А я сидел под жгучими лучами африканского солнца и рассматривал разрезы, — да, да! не проколы, а разрезы! — в баллонах. Эти проклятые черномазые поставили на шоссе ловко прилаженные ножи. Оказывается, я пролетел, не останавливаясь, через контрольный пост.

Черные солдаты, трое с луками, двое с ружьями, подошли ко мне и выразили, пощелкивая языками, свое сожаление. Не разобрали, что я американец.

Двое стали помогать мне. Резина была бескамерная, приходилось ремонтировать покрышки на месте.

Вероятно, я был изобретательно красноречив, но мое красноречие разбивалось о невежественную глухоту черных солдат.

Мы уже починили одну шину, другое колесо заменили на запасное. Можно было ехать. Было три часа ноль семь минут.

Я живо представил себе детектива в темных очках, скрывавших разный цвет его глаз. Он расхаживал около стены без окон и ждал меня.

Небо было эмалево-синим. Под таким небом все люди должны быть счастливыми. Я слышал или читал где-то, что облака в небе — это упущенное людьми счастье. Чем более затянуто небо, тем несчастливее люди под ним. А когда людям особенно хорошо, небо совсем чистое.

Я был уверен, что разноглазый в темных очках ощущает то же самое, есть же у него жена, мать, невеста, может быть, дети. Он показал себя человеком, позвонив мне. Он не мог уйти! Он дождется меня!.. Я буду читать записку, написанную ее рукой, буду мысленно слышать сводящий меня с ума голос!..

Небо было синим и чистым. В нем что-то блеснуло. На большой высоте шел самолет.

На некотором расстоянии от него тянулись белые расплывающиеся хвосты сразу нескольких «комет». Я понял. Это были «догоняющие ракеты». Они несли смерть отважному пилоту, но казалось, что кто-то хочет украсить небо, рисуя на его эмали эти белые следы, словно отделявая его под диковинный синий мрамор.

Кажется, «догоняющие ракеты» сбили самолет... слишком поздно...

От самолета успела отделиться белая точка. Может быть, пилот успел выпрыгнуть с самолета? Нет! Самолет пошел вниз, оставляя за собой черный след, уже на горизонте. Пилот не мог выброситься заблаговременно...

Черные солдаты смотрели из-под ладоней на растущую белую точку, вернее на пятнышко.

Все ниже, ниже, ниже...

Я поймал себя на том, что не дышу.

А черные солдаты пересмеивались. Они ничего не понимали.

Мне следовало вынуть фотоаппарат, но у меня окостенели руки. Лоб стал потным. Я только успел надеть темные очки.

Вспышка была ослепительной. Я понимаю теперь рассказы о слепых от рождения, которые на единый в жизни миг видели адский свет.

До этой секунды нестерпимо сверкавшее африканское солнце потускнело, стало медным...

Лицо опалило лучами другого вспыхнувшего светила, неизмеримо более яркого, жгучего, бьющего испепеляющей жарой, пронизывающего живые клетки, свертывающего листья деревьев, иссушающего травы...

Я услышал крики. Черные солдаты выли от боли.

Лучевой ожог! Не я ли читал о том, как в Нагасаки или в Хиросиме на расстоянии нескольких километров выгорали черные буквы афиш, напечатанные черной краской... Черный цвет поглощает тепло лучей.

Меня спас белый цвет кожи, подобный бумаге афиш. А черные лица солдат уподобились типографской краске и оказались обожженными. Впрочем, это только предположение.

Негры выли, скорчившись, закрыв лица руками, согнувшись в поясе, а я вскочил в джип и понесся вперед.

Солдаты кричали, может быть, хотели остановить...

Я сам не понимал, что делал. Самым глупым будет признаться, что я думал о маленьком листке бумаги, который держал в кармане разноглазый детектив.

Я видел, как вскипала ножка черного гриба.

Сначала она была белой, словно пар вырвался из-под земли. Потом она стала темнеть, поднимаясь все выше, выше и выше... куда выше, чем летел сбитый самолет.

Я мчался по шоссе и видел, как стала расплываться в небе головка черного гриба безобразной темной шляпой. Ножка была неровной и извивалась...

И только теперь на меня обрушился звук.

Я нажал на тормоза. Скрип их не был слышен. Я откинулся на спинку сиденья, голова разрывалась от обрушившегося на меня удара.

У меня не хватило ума бежать. Вероятно, я выполнял свой бизнес, чтобы стать очевидцем и иметь возможность все описать для газет, но я, клянусь, думал совсем о другом. Я хотел только добраться до Национального банка...

У меня хватило ума достать из багажника защитный костюм.

Говорят, я был первым человеком, появившимся в пострадавшем городе в противоядерном костюме.

Я походил на тех самых «марсиан», древние фрески которых обнаружил на скалах в Сахаре французский искусствовед профессор Анри Лот.

Сначала я встретил толпы бегущих и казалось бы не пострадавших, только панически напуганных людей.

Они бежали по шоссе, и мне пришлось почти затормозить машину, чтобы не раздавить кого-нибудь.

Они бежали, вытаращив белки глаз, что-то крича. Они несли на руках детей, тащили узлы, катили загруженные велосипеды и коляски. Некоторые из них падали, другие ступали по упавшим.

Я отчаянно сигналил. Мой вид «марсианина» пугал их. Они шарахались в сторону, и я мог ехать дальше.

А дальше... был ад.

Нужно быть помешанным, чтобы двигаться дальше. Я и был помешанным. У меня была маниакальная идея найти детектива с запиской. Только представив это, можно понять, почему я так поступал.

Сначала мне встретились сметенные хижины.

Вернее, я видел пустыри, начисто выметенные от того хлама, который стоял на них. Валялись лишь тазы, ведра, руки, ноги, головы, тела мужчин и женщин, обломки кроватей и трупы детей...

У меня было ощущение, словно я впервые узнал о том, как готовится зелье беззубых старух... Мне пришлось выйти из машины и снять защитный шлем. Меня вырвало...

Наклоняясь к земле, я увидел на ней маленькую черную перчатку. Я поднял ее. Это оказалась оторванная детская кисть... Я зарыл ее в пепел.

Здесь никто не помогал друг другу. Тут были только мертвые или умирающие.

Я ехал дальше.

Дальше стало еще хуже, если это можно себе представить.

Я добрался до домов европейского типа, то есть я добрался до их развалин. Бесформенные холмы битого кирпича, вывороченные бетонные плиты, из-под которых там и тут торчали черные руки или задранные, тоже черные, ноги...

Я остановил машину. Мне хотелось откопать хоть кого-нибудь.

Со мной рядом оказалось несколько солдат и один здоровенный испуганный негр, напоминавший моего Геракла. Мы стали вместе разбрасывать камни.

Мы откопали белую женщину, блондинку с наклеенными длинными ресницами. Она смотрела на меня умоляюще. У нее была раздавлена грудь.

Я отвернулся.

Мы еще откапывали, переносили несчастных, складывали вдоль тротуара.

Какой-то европеец, которому неведомо как оторвало обе ноги, требовал, чтобы я пристрелил его.

Я должен был это сделать, но не сделал...

Это был могучий, когда-то статный, наверное, человек, он смотрел на меня злыми глазами, он требовал, он просил, он встал бы на колени, если бы они у него были... Он хотел только одного — смерти.

Я не дал ему ее. Смерть сама скоро возьмет его без меня. Это было малодушие.

Да, я был малодушен.

Я двигался по ужасному, развороченному, уничтоженному за доли секунды городу, полному едкого дыма. Я видел столько трупов, словно раздался трубный глас Страшного Суда... и все могилы раскрылись, покойники встали... и упали в позах кричащего страдания, задавленные, обезглавленные, четвертованные, заживо зажаренные, изуродованные изощренной сверхиспанской инквизицией... Но я знал, что и те, кто вместе со мной вытаскивали из-под развалин еще дышащих людей, так же как и «спасенные», все равно умрут в страшных мучениях, пораженные неизлечимым лучевым недугом.

Спасет ли меня мой костюм?

Я ехал дальше.

Меня принимали за ядерного комиссара. От меня ждали указаний, распоряжений.

И я давал эти указания, приказывал, действовал энергично, словно я впрямь был командиром в лагере пострадавших. Я поступал произвольно, может быть, уже не от ума, а просто от сердца...

Я достиг кварталов, где бушевали пожары. Нечего было и думать их тушить. Нужно было лишь помочь чудом уцелевшим уйти от моря огня... Трудно было понять, что горит. Горели руины, огонь вырывался из груд щебня, дым шел из выбитых окон.

Какие-то безумцы вытащили из подземного гаража пожарную машину и поливали бушующее пламя из беспомощной кишки. Я похвалил их.

Я все время ехал вперед по кругам дантова ада, сквозь дым, смрад и огонь...

Эпицентр катастрофы казался мне самым страшным, я стремился к нему.

В центре города уцелели деревья, они лишь потеряли кору и сучья, торча обожженными столбами. Многие дома стояли без крыш, с проломленными межэтажными перекрытиями... Но дома стояли, смотря на творящийся вокруг ужас пустыми глазницами окон, из которых там и тут вспышками гнева вырывались клубы дыма.

Автомобили были вдавлены в мостовую в тех местах, где застал их взрыв.

Трудно было узнать в железном ломе, загромождавшем асфальт, еще минуты назад мчавшиеся машины. На них словно обрушился чудовищный молот, расплющивший их на наковальне... Из-под них растекалось масло с радужными разводами. А рядом высыхали мокрые пятна, оставшиеся, вероятно, от проходивших по тротуару людей...

От людей!..

Никому никогда я не пожелаю увидеть что-либо подобное.

Проклятье всем! Проклятье богу в небесах! Проклятье человеку на земле! Горе всевышнему, допустившему все это своей высшей властью!

Горе земным рабам его, в своей безысходной дерзости добившихся того, что случилось!..

Я продолжал отдавать распоряжения. Откуда-то появившиеся люди, уцелевшие или примчавшиеся выполнять долг, за который они расплатятся жизнью, пытались что-то сделать.

Одну из улиц заливало водой. Прорвало водопровод.

Другая улица была полна зловонья, под гору стекала мутная река из разбитой канализации.

Я ехал и ехал дальше. Иногда выходил из машины, чтобы сесть на щебень и рыдать.

Зачем создан человек? Зачем развивается культура? Чтобы найти свой конец? Эллен говорила, что всему есть начало и всему есть конец. Так неужели же это конец мира и мне, простейшему из смертных, дано его видеть. чтобы самому встать в процессию идущих за последним решением?

Меня спасла Эллен, спасла тем, что существует. Меня спасло иступленное мое чувство, заслонившее от меня наступавший со всех сторон ужас. Я сошел бы тогда с ума, ибо невозможно было не сойти с ума, не имея света во тьме. У меня был этот свет. Знала ли Эллен, узнает ли она когда-нибудь, чем она была для меня в эти минуты!

Страшные минуты, бесконечные минуты. Высохшая кровь, щебень и пепел...

Я знаю, будет написано в газетах, что репортер агентства «Ньюс энд ньюс» Рой Бредли проявил находчивость, энергию, самоотверженность...

Что все это значит по сравнению с тем, что я видел, проявляя все эти бесполезные качества!..

К вечеру я добрался до набережной, на которой стоял когда-то Национальный Банк.

Теперь там лежал огромный холм щебня, обрываясь с одной стороны отвесной, чудом уцелевшей стеной без окон.

Я шел по мостовой, с трудом передвигаясь в своем громоздком костюме... Будут ли у меня дети? Зачем? Чтобы их вытаскивали из-под развалин, чтобы они исчезали на дне радиоактивного кратера?

Под ногами хрустело стекло, по земле рассыпаны были стекловидные камни... У Национального Банка одна стена была сплошным окном, в другой стене окон не было.

Где-то здесь он стоял в три часа ноль восемь минут пополудни.

Мерзкие мысли заползают в мой мозг в самые неподходящие минуты. Гадкая мыслишка терзала меня.

Да, я хотел найти труп разноглазого... пусть заваленный обломками небоскреба, которые я готов был раскидать, чтобы найти в истлевшем кармане бесценный для меня клочок бумаги!

Я старался представить себе его, сутулого, в шляпе набекрень, в темных очках...

Дрожь пробежала у меня по спине.

Я снял темные очки, спасшие мое зрение в момент взрыва. Я не верил себе. Я видел его...

Я видел его тень на стене, на остатке стены, срезавшей холм щебня.

Вот здесь он стоял, когда его осветила сбоку вспышка взрыва, тень его упала на стену и отпечаталась на ней. Сутулая, со шляпой набекрень, с острыми уголками заметных сбоку очков... Тень была, а человека, превратившегося в газ, испарившегося вместе с клочком столь желанной для меня бумаги, его, живого, ждавшего, вредившего и делавшего добро, добивавшегося блага себе и даже подумавшего обо мне, его... не было.

Было от чего сойти с ума.

Может быть, я и сошел с ума, смотря на чудовищную, насмехающуюся надо мной, обвиняющую весь мир, запечатленную на стене тень человека, который еще сегодня был живым...

Я встал на колено, словно хотел поклониться его тени. И я поднял с земли стекловидный кусок шлака, кусок ядерного шлака.

Я унес его с собой, как напоминание о страшном преступлении Разума, которое, как вещественное доказательство, когда-нибудь будет фигурировать на суде людей или на Суде над людьми».

Аспирант кончил читать.

Мы оба молчали. Я стоял потрясенный. Я мысленно видел американского журналиста, держащего стекловидный ядерный шлак в руках.

Аспирант протягивал мне стекловидный кусок шлака.

— Что это? — отшатнулся я.

— Кусок ядерного шлака, — ответил аспирант. — Он был приложен к письму.

— Так, значит, взрыв был?

— Да, был. Рой присутствовал при нем. Взрыв считался испытательным, но Рой мысленно видел все, что описал. Он поднял там кусок шлака с земли.

Теперь этот кусок держал в руках я.

Аспирант взял со столика другой, совершенно такой же кусок, который мы уже рассматривали.

— Тектит, — напомнил он.

— Они неотличимы! — воскликнул я.

— Не только внешне... но и по химическому составу, по структуре, по обезвоженности...

— Значит... значит тектиты — ядерные шлаки Фаэтона?..

— ...который погиб от термоядерного взрыва океанов.

Я изучал лицо Феликса. Оно было серьезно и даже чуть торжественно.

— Но чем мог быть вызван этот взрыв? — почему-то шепотом спросил я его.

— Вспомните... когда американцы взрывали водородную бомбу в Бикини... В американском атомном центре Беркли некоторые ученые тогда высказывали опасения о глобальной, всеобъемлющей реакции вод океанов, которую может начать опытный взрыв.

— Океан не взорвался, — напомнил я.

— Но взрыв тогда оказался большей силы, чем ожидали. С тех пор сила ядерных бомб все возрастала, и кто знает, чем могло это когда-то кончиться.

— Где?

— На Фаэтоне. Он массой превосходил Марс, находился дальше от Солнца, чем Земля, скорее остывал. Жизнь там могла появиться прежде, пройти все стадии развития раньше...

— Я понял вас. Так вот почему вас интересовали инопланетные цивилизации, их контакты с нами!..

— Да. Цивилизация фаэтов могла проходить ту же кризисную стадию развития, которую сейчас проходит человечество, овладев ядерной энергией. Там тоже могли быть свои даллесы и Эйзенхауэры, форрестолы и аденуаэры, свои атомные генералы, свои безумные поджигатели ядерной войны... И вот миллион лет назад, после взрыва во время безумной войны на Фаэтоне одной из сверхбомб взорвались все океаны планеты... Тогда и упали на Землю долетевшие до нее осколки ее атомных шлаков — тектиты...

Я смотрел на два совершенно неотличимых стекловидных куска. Я думал о судьбах цивилизаций. Современные ученые допускают существование сотен тысяч, даже миллионов цивилизаций в одной только нашей Галактике. Неужели таков их неизбежный конец? Нет!.. Миллион раз «нет»! Самоубийство среди цивилизаций Вселенной такая же редкость, как самоубийство среди людей, каждый из которых переживает кризисную пору. У одних мысль о конце жизни пробегает легкой тенью, других она в определенном возрасте мучительно преследует. Но только единицы из миллионов гибнут. Также и во Вселенной!.. Очевидно, на Фаэтоне и произошел этот редчайший случай самоубийства цивилизации.

Да полно! Возможен ли взрыв океанов?! Можно ли об этом серьезно говорить?

Феликс подарил мне атомный шлак, присланный американцем. Вместе с рукописью Роя Бредли я храню тектит и ядерный шлак Фаэтона.

...Недавно у нас в Москве был крупнейший ученый современности датский физик Нильс Бор. Он встретился в узком кругу с писателями. Мне посчастливилось проводить эту встречу.

Мои друзья помнят, как я задал ему прямой вопрос:

— Возможна ли глобальная реакция воды океанов при взрыве сверхмощной ядерной бомбы?

Что же ответил маститый физик?

— Я это не исключаю, — с серьезным лицом сказал Нильс Бор.

Нильс Бор не исключает этого!..

— Но если это было бы и не так, — закончил он, — то все равно ядерное оружие надо запретить, оберегая будущее человечества.

Я смотрю на два стекловидных куска, я перечитываю написанные американцем страницы и вспоминаю об аспиранте. Он всерьез изучал следы звездных пришельцев, которые, как он думал, могли прилетать в нашу солнечную систему, чтобы исследовать причину гибели планеты у нашей звезды... а может быть, и предотвратить гибель планеты, где развивался разум.

Развивался Разум!..

Разум, именно разум должен стать гарантией, чтобы судьба Земли не стала судьбой Фаэтона!.. И этого не случится! Никогда!.. Об этом должен думать, это должен понять и это должен решить каждый человек!..